

18+

НАТАША ДЕНИСОВА

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ ПРЕЗИДЕНТ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
НЕОНОНКОНФОРМИЗМА

Наташа Денисова

**Я люблю тебя, мой
президент. Поэзия и проза
неононконформизма**

«Издательские решения»

Денисова Н.

Я люблю тебя, мой президент. Поэзия и проза неононконформизма
/ Н. Денисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904728-1

Книга «Я люблю тебя, мой президент» — это признание. Но не в любви, а, скорее, в том, что ты видишь и чувствуешь происходящее вокруг. Ты не прячешься в столицах, не бегаешь, как в детстве за светлячками, за эфемерным материальным счастьем. Это признание в том, что ты кровь от крови и плоть от плоти всех, кого ты встречаешь на своем пути здесь, на перепаханных социальными потрясениями землях провинциальных городов нашей страны.

ISBN 978-5-44-904728-1

© Денисова Н.
© Издательские решения

Содержание

ПОЭЗИЯ	6
я люблю тебя, мой президент	6
все мы вырастем однажды в младших сестер	8
древний дух	9
если не существует космоса и любви	11
варвары	12
анна расплела косы	13
адмирал хонг хи	15
тишина человеческого сына	17
прятки	18
несовершенные и несильные	20
язык земной	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Я люблю тебя, мой президент
Поэзия и проза неононконформизма
Наташа Денисова

Оксана Самсонова *Фотограф*

© Наташа Денисова, 2018

© Оксана Самсонова, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4728-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЭЗИЯ

я люблю тебя, мой президент

так спасает он наши тоненькие талии,
выцветшие от зимы глаза,
так глядит он с плакатов предвыборных,
нам бы «за» говорить ему, петь ему, жить ему.
керосин
пахнет в нашем рязанском дыму так горько.
сохранит он нетронутым, словно отрезы шёлка,
мир наш в сталинках и хрущёвках,
мир наш хрупкий, хрустальный, терпкий.
и мы вырастем в деревья: сашеньки, тани, верки,
вырастем в деревья для жертвенного костра.
мы учили математику и стихотворения по утрам,
вечерами бегали за куревом
к киоскам, что у дк,
наше время превращалось во время,
отведённое мотылькам,
чтобы помнить имя своё мы смотрели новости.
и он был всегда.
он говорил и для нас покупали автобусы,
ремонтировали дороги, запускали новые поезда.
и они уходили в космос россии, которая вся – рязань,
словно августовскими яблоками
усеяна птицами чёрными.
и мы стали тихими и покорными,
и мы стали нежными, как полынь.
мы замираем, когда он говорит,
отдаём наших мальчиков, наших мужей,
чтобы схоронил их в пустынях чужих суховей,
отдаём живых за медальки мёртвые.
разрисуют их, как орнаментом, ранками,
и вернут нам памятью обжигающей.
вспомним товарищей:
федя журавлёв,
олег пешков,
саша поэнич,
ваня черемисин,
саша прохоренко,
андрей окладников,
витя панков,
антон ерыгин,
андрей тимошенко,
миша широкопояс.
и мы водим хороводы вокруг супермаркетов,

кричим во весь голос,
мы поём ему песни наши.
все чудовища спят, и нам так не страшно
увядать в бабушкиных платьях, маминых туфельках,
мы встречаем наши любви у стен облупленных
дворцов остановок, что на семи ветрах.
он расставил повсюду князей,
и мы знаем, что в зеркалах
мы должны казаться для них красивыми.
мы клянёмся заратустрами, буддами, шивами:
всё мы стерпим ради него.
мы нарядимся в тонкие кружева,
в молчание.
дай мне руку, так ощущаем
время мы.
в очереди за дешёвой рыбой
мы разукрасим себя сурьмой,
на шеи наденем бусы.
у пятиэтажек вечных
мы встретимся с богом русским,
поведём плечами,
и под советской люстрой
так и уснём.

все мы вырастем однажды в младших сестер

все мы вырастем однажды в наших младших сестер,
станем белокуроыми птицами
с небесно большими глазами.
убоимся гроз, обязанности начать разговор,
станем убегать по хлопковым ресницам снов
к маме.
все мы вырастем однажды в их тишину,
в их шуршание юбок из органзы и банты,
будем зажмуривать глаза, словно вокруг кино,
где целуются или показывают смерти.
все мы вырастем однажды в наших младших сестер,
придумывающих, как назвать сына:
лука, августин, максим, егор.
вечность мне не под силу.
если слышишь – то слушай,
моя любовь,
я пишу тебе так,
словно что-то значу,
словно этот вагон метро —
мой последний кров,
будто я – вечер
июньского дня
девяносто девятого года.
и каждый, кто пытался меня разгадать,
выбирал только неправильные коды.

древний дух

это мой век превратил тебя в тихого хмурого зверя,
это мой бог приезжал к тебе на автобусе,
во дворе кружился на карусели,
как древний дух,
теперь уходящий отселе.
от тебя уходящий, или
маргариту схоронивший в речном иле,
суламифь схоронивший в чужом теле.
так дрожит у меня внутри алый
флаг! от урала и до карелии
я не слышу тебя.
как услышать тебя?
верстовые столбы —
это мы без любви
на окраинах наших селений.
это мой бог послал псов зализывать твои раны,
отмывал плечи твои от тины,
когда все в стране превратились в статуи атлантиды,
превратились в нас, неизбежных, как мартовские иды.
как увидеть тебя мне, как мне тебя увидеть?
вот мы выйдем из дому, как из небытия выйдем,
и наступят, что ночь, люди,
будто вечность наступят они.
это ты меня сохранил
в хрупком человеческом подсознании,
спрятал, как прячут воспоминания.
это я для тебя в девяносто седьмом пела
что-то про белый-белый
снег,
что про синей-синей иней.
и если в какой-нибудь из вселенных
мы только изображения в видеоманитофоне,
на хрупкой ленте рассыпающейся кассеты —
договоримся и будем помнить,
что скрип её — это только ветер,
что смерть её — это только ветер,
что белый шум её — это только вата,
и мы падаем в небо с лёту.
открывай клетку,
открывай клетку —
выпускай птицу.

если не существует космоса и любви

если космоса не существует – значит
любая попытка человека прильнуть к звёздам,
любая попытка постоять возле
супермаркета на обратной стороне луны —
есть только желание умножить один
на какое-нибудь число,
есть только желание уронить
сердце своё в кипящее молоко
сердца чужого.
если не существует любви – значит
любое стремление человека
прикоснуться ко всему, что за пределами его тела —
есть только крик истошный, оголтелый —
«поехали!»
я хочу оставить здесь себя ветхого,
я хочу не существовать
в чертогах планеты,
пахнувшей солдатскими шинелями и апельсинами,
меня сделали слишком смертным, не сильным, я
не принадлежу себе, я
как гуманоид, позабытый в жердёловом
саду своим создателем.
я должен отыскать его обязательно.
оглянись – мир вокруг —
постыдающий белый шум
с беспокойными дикими дронами —
ни один не тронь меня!»
если не существует космоса и любви,
раввин,
значит ли это, что я себя умертвил?

варвары

вы учили нас вашему белому снегу,
этому тяжёлому,
прибывающему к земле языку:
— главное, когда прикасаешься к небу,
помни, как мы далеки.
помни, что мы не спасём тебя,
не поможем, варвары,
унёвшие за пазухой веретено луны.
ты один, сыно, тоже,
как и мы были всегда одни.
вы учили нас прозрачному взгляду,
наполненному до краёв тайгой.
— если кто-то окажется с тобой рядом —
беги, даже если это свой,
даже если жилы рвутся солнечной тетивой.
из всего, что запомнили мы, что узнали,
смастерили мы хрупкий стеклянный мир.
только ласточки ягеля на вокзале,
только золото морошки в тених квартир
иногда почудится, словно отзвук,
северного ветра,
из которого нам расти.
небо, израненное звёздами,
на вашем языке не произнести.

анна расплела косы

чем больше проходит дней —
тем дальше я от тебя.
это ли не то,
о чем говорил бог?
девяносто седьмой,
запыхавшиеся ребята
бегут
от времени, нажавшего на курок.
человек несчастен не потому,
что трамвай приходит не вовремя,
барахлят термометры,
дешевеют деньги.
не оттого,
что неправильного выбирает президента.
не потому он несчастен,
что не жалеет его никто,
что не нашёл он любви,
или не был к ней готов,
не оттого, что оставил кого-то,
или кому-то лгал,
не оттого,
что живет в прогнившей системе,
сердце переплавляющей в вокзал.
а несчастен он оттого,
что анна расплела косы,
что теперь он совершенно,
непоправимо взрослый,
что предал себя,
а значит — стал манекеном в тире,
мишенью
для всего, что было когда-то
нелепым чудовищем,
нарисованным карандашами.
если слышишь — не опустошай меня.
ты не смеешь,
ты помнишь ведь,
как мы, не умея ни жить, ни петь,
бежали тогда,
бежали тогда,
бежали.

адмирал хонг хи

адмирал хонг хи заболел душой,
хоть не в моде нынче душа и парча.
его земли, будто бы саранча,
выела тяжелая непроглядная тишина.
а казалось – вот она,
огромная, словно степь зимой, страна,
и глядишь на неё сквозь зрачки ветров —
каменный исполин, воронья черная бровь...
но галдят голосами вдовьими что-то про хлеб и бога,
только расслышать не позволяет погода,
и слова летят их из тюрем и подворотен,
навязчивы, как инструкция на обороте.
адмирал хонг хи – потомок прежних
известных нам адмиралов,
выстроивших великую стену,
которая и кирпичика не теряла,
стену между правителем и его народом.
ведь для кругов на воде требуются воды,
для землетрясения требуется земля.
хонг хи, если ты исчезнешь,
кого презирать нам кроме тебя?
адмирал хонг хи заболел душой.
хоть казалось – воробушек,
ну какая же там душа?
только снится ему
как под вязьмой, как под ольшой
поезд десятичасовой
увозит богородицу и младенца.
адмирал хонг хи разжимает ладонь,
и оттуда, как гусеницы из листьев,
вываливается сердце.
– адмирал хонг хи, там, в снегах, у тёмной оки,
на станции курит «приму» степан лукич,
творит ангелов из огарков свеч.
он и сам, как снег, побелел от времени,
почернел от сажи.
он не выпустит десятичасовой,
он костями ляжет.
потому, что это божья земля,
божья земля и наша.
и душа у тебя болит оттого,
что это мы смастерили для тебя душу.
уходи, хонг хи, под цветущей грушей,
под цветущей вербой
больше не распнёшь ты ни одну деревню,
не развеешь по миру

голоса сынов наших.
нам не страшно!

ТИШИНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЫНА

боже, дай хоть на лавочке с тобой посидеть,
если нет тебя, если мы лишь клеть
птиц фарфоровых, не взлетевших.
выйдет мэри гулять на площадь,
потеряет свои башмачки.
не найдёт её иоаким,
не найдёт анна.
тишина человеческого сына
нигде не слышна.

прятки

мы превращаемся, мы превращаемся
раз-два-три
в мамин блестящий шкаф,
в волшебную пыль дорогих витрин...
в проспекты широкие городов нездешних,
в закаты неоново-черешневые.
и мы становимся, мы становимся
раз-два-три
людьми из дурацких программ —
ничего внутри.
софиты так ярко горят,
взгляни-ка на мой наряд.
мы превращаемся, мы превращаемся
три-четыре-пять
в тех, в ком нас вовсе не отыскать,
озёра так наполняются сточной грязью,
так полумертвые птицы падают наземь.
и небо тяжелое, грузное.
это не наша страна такая грустная,
не время, неправильно выбранное,
не люди, что деньгами залатывают души выбоины,
что говорят с нами из телевизора
о банках, экстремизме, режиме безвизовом,
о честности.
смирной и ладаном раньше пахли вёсны все.
я иду искать.
ветер, ветер! и вот меня нет.
ветер, ветер. и вот тебя нет.
в миф тишины ушел аид —
никто с ним не говорит.
а он все звонит,
надеется и звонит,
в спешке забыл,
что схоронил
всех.
мы рождаемся с этой оставленностью,
и она — насовсем.
пять-шесть-семь
это только смерть, это только смерть —
ею болеют все.
вот и ты погас.
святой боже, святой крепкий,
святой бессмертный
помилуй нас.

несовершенные и несильные

я пришла в твой сад,
наполненный запахом мёда и молока.
птицы здесь не поют,
но слышен издали
мой голос.
он звучит как тогда,
на дискотеке в дк «колос»,
как тогда,
в панельных многоэтажках
вдали от дома.
человеку ведь нужно только его имя,
даже самое неказистое, неприглядное,
даже самое растерянное, трепетное,
тревожное,
чтобы вишнями от дождя влажными,
чтобы тополями вечерне-белыми,
мы пробирались,
несовершенные и несильные,
чтобы произнести его, чтобы произнести его.

ЯЗЫК ЗЕМНОЙ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.